

*О. Г. Усенко,
Тверской государственный университет*

**«ГОСУДАРЬ» ИЛИ «ГОСУДАРЕВ АТАМАН»?
(О МИФИЧЕСКОМ СТАТУСЕ П. Е. ХРИПУНОВА)**

Цель моего исследования – проверить распространённое в историографии мнение, что Пётр Евдокимов сын Хрипунов (он же Головин, Головенко, Головёнок), государственный крестьянин Верх-Суерской волости Ялуторовского дистрикта (округа) Тобольского наместничества, живший во второй половине XVIII в., был одним из российских самозванцев монархического типа.

К таковым он был впервые причислен в 1865 г. П. К. Щебальским. Учёный кратко описал похождения П. Е. Хрипунова в Ишимском, Ялуторовском и Куринском округах Тобольского наместничества и в Колыванской губернии. При этом историк полагал, что его герой под именем Петра III действовал в 1786–1787 гг. и что к «похищению» императорского образа его подстрекали крестьяне Осип Пургин и Пётр Борцов (жители соответственно с. Ирменского и д. Медведской Берской округи Колыванской губернии), которые, стало быть, и являлись инициаторами самозванческой авантюры¹.

Утверждения, что П. Е. Хрипунов действительно выдавал себя за покойного императора Петра Фёдоровича и что его подбили на это другие люди (чьи имена, однако, не были указаны), содержались также в статье анонимного автора, опубликованной в 1905 г.² Однако в этой публикации было и нечто новое.

Во-первых, это указание, что Хрипунова арестовали уже в 1786 г. Во-вторых, это сведения о том, что он, прежде чем стать «императором», выступил в роли «разгласителя» – распускал слухи, будто Пётр III жив. В-третьих, автор статьи сообщил, что уже известные нам П. Борцов и О. Пургин так и не сознались в подговоре Хрипунова на монархическое самозванство.

Но самое интересное – другое. Один из пассажей анонимного автора позволяет заключить, что П. Е. Хрипунов собирался выдать себя за покойного императора, но не успел это сделать: «Когда были присланы нужные свидетели, из их показаний выяснилось, что Хрипунов не только разглашал, но и "хотел похитить себе столь великое имя государя Петра III и под названием и при помощи согласных ему людей производить свои злодеяния образом и делом, как пред сим злодейство происходило,

[с. 139]

в котором был он, Хрипунов, у злодея (Е. И. Пугачёва. – О. У.) атаманом, но в том своём дерзком предприятии не успел"»³.

Эту же цитату из материалов следствия привёл в своей статье и советский историк Б. Кубалов. Он понял её так же, как и его анонимный предшественник, – будто она описывает начальный и конечный этапы авантюры П. Е. Хрипунова, суть которой заключалась в монархическом самозванстве. Сходной была и датировка этой авантюры – 1786 г. Правда, Б. Кубалов посчитал, что инициатором самозванства был сам Хрипунов, а не П. Борцов и О. Пургин. По мнению историка, самозванец на допросах лгал, когда показывал, что не сам он додумался принять «столь высокое имя»⁴.

Автор более позднего исследования К. В. Сивков, напротив, счёл возможным вернуться к тезису, что П. Е. Хрипунов стал государственным преступником, лишь поддавшись на уговоры со стороны. Во многом историк был согласен с Б. Кубаловым – тоже датировал похождения самозванца 1786 годом и тоже был уверен в том, что речь идёт о самозванстве монархического типа. Однако К. В. Сивков утверждал, что Хрипунов бродил по Колыванской губернии вместе с двумя помощниками. Ими были «Борцов и Пургин. Первый из них сочинял "царские указы", а второй их подписывал»⁵.

Тезис о том, что Хрипунов, Борцов и Пургин были повинны в монархическом самозванчестве, укоренился как в отечественной, так и в зарубежной литературе⁶.

Наиболее подробно об этом пишут Н. Н. Покровский и И. В. Побережников. Они утверждают, что самозванцем Хрипунов стал осенью 1783 г. – после встречи в с. Ирменском с О. Пургиным и П. Борцовым, которые и подали ему идею назваться Петром III, а затем стали его первыми «подданными». Н. Н. Покровский и И. В. Побережников также сообщают, что новоявленный «государь», обретя указанных сподвижников, отправился бродить по Зауралью, но изображал уже не Петра III, а его «атамана». Историки объясняют это желанием заговорщиков подготовить почву для грядущего мятежа – убедить побольше крестьян в том, что свергнутый император жив, а также набрать отряд человек в пятьсот из мастеровых, беглых и каторжников.

Последнее замечание выглядит сомнительным. В России XVIII в. на землях с преобладанием славянского населения имели место семь выступлений социального протеста, участниками которых были лжемонархи – А. Семиков, Л. Стародубцев, Г. Кремнев, Ф. Богомолов (два выступления), Е. Пугачёв, М. Ханин. Эти движения начинались всегда с того, что поверившие лжемонарху люди из числа «нормальных»,

[с. 140]

«добропорядочных» обывателей пытались привлечь на свою сторону «своих» – родственников, друзей, соседей, знакомцев, но никак не чужаков и тем более не маргиналов⁷.

Заметим также, что в предыстории всех указанных выступлений отсутствовали длительная подготовка и сознательная организационная работа. Это вполне согласуется с практически хрестоматийным тезисом, что общей особенностью народных движений в добуржуазной России была стихийность, которая заключалась в их спонтанном, самопроизвольном возникновении⁸.

Обратим теперь внимание на такую странность: П. Е. Хрипунов не остался развивать свой успех там, где обрёл первых сторонников, и что сами же эти сторонники спровадили его от себя.

Вообще-то подговор на монархическое самозванство случался, но крайне редко – к числу доказанных можно отнести всего три эпизода («прельщение» Л. Стародубцева Т. Тружеником⁹, И. Опочинина – И. Батюшковым¹⁰, В. Бунина – М. Тюменевой¹¹). И всего лишь однажды (в случае с Тружеником и Стародубцевым) было такое, чтобы новоявленные соратники разошлись вскоре после обретения друг друга.

Странно, наконец, что наш герой, уже вкусивший прелесть мифической ипостаси, после расставания с Пургиным и Борцовым ни разу не назвался царём и до самого своего ареста (25 августа 1786 г.) всего лишь «разглашал», что Пётр III жив.

Чтобы разрешить возникшие сомнения и выяснить, чего хотел и чем на самом деле занимался П. Е. Хрипунов, нужно сначала отказаться от априорных схем и взять на вооружение принцип историзма в его современном – культурно-антропологическом – понимании.

Речь идёт о том, что исследователь прошлого должен осознавать относительность привычных для него норм и понятий – в том числе таких, как «ложь» и «правда»,

«психическая норма» и «безумие», «логика» и «заблуждение». Чтобы адекватно понять и объяснить поступки, слова, мысли и чувства людей прошлого, нужно попытаться взглянуть на мир их глазами¹². Но в таком случае историк должен доверять своим «собеседникам» (людям, чьи деяния и речи воплотились в изучаемых источниках) – доверять в том смысле, чтобы в процессе познания использовать критерии, не привычные для исследователя (т. е. навязанные родными для него эпохой и культурой), а те, что характерны для изучаемого локуса и времени¹³.

При этом нельзя забывать и о принципе критичности: исследователь должен тщательно проверять утверждения своих «собеседников», несущие на себе отпечаток идеологических, культурных и

[с. 141]

социально-политических конфликтов. Особенно это касается высказываний со стороны «власть имущих», поскольку последним свойственна «уверенность в том, что истиной можно завладеть так же, как вещью, что ею можно обладать», соответственно «истина... предстаёт в речи власти как объект (в данном случае объект захвата, обладания)»¹⁴.

В случае с П. Е. Хрипуновым наши источники – это судебно-следственные материалы. Значит первоначально мы должны реконструировать критерии, которыми в изучаемую эпоху пользовались российские следователи и судьи, когда решали, насколько можно доверять имеющимся у них показаниям.

В России XVII–XVIII вв. текстами, заслуживающим доверия, как правило, считались:

1) донос, который был доказан:

а) его подтвердили свидетели и/или обнаруженные документы,

б) изветчик не менял начальных показаний (даже под пытками) до конца следствия и при этом обвиняемый признал свою вину;

2) опровергающие донос показания свидетелей и обвиняемого – в той части, где они совпали;

3) показания обвиняемого, которым в доносе нет соответствия, но которые подтверждены свидетелями и/или в дальнейшем самим обвиняемым (в том числе под пытками).

Не вызывали доверия у следователей и судей, как правило, следующие тексты:

1) недоказанный донос:

а) его опровергли свидетели и/или обнаруженные документы,

б) свидетелей или подтверждающих документов нет, а изветчик отрёкся от первоначальных показаний,

в) изветчик не менял показаний, но обвиняемый своей вины так и не признал;

2) показания обвиняемого, от которых он позже отрёкся и/или которые были опровергнуты свидетелями¹⁵.

Теперь обратимся непосредственно к материалам дела об интересующем нас персонаже.

Поскольку мы не видим в действиях следователей и судей признаков «политического заказа» и фальсификации, постольку вполне можем принять их точку зрения при делении показаний на заслуживающие доверия и не заслуживающие оно.

[с. 142]

К **недостоверным** сведениям нужно отнести, во-первых, начальные показания П. Хрипунова и О. Пургина, будто они познакомились ранней осенью 1783 г. и вскоре стали сообщниками на поприще монархического самозванчества.

В изложении П. Е. Хрипунова дело было якобы так¹⁶: «И с ним, Пургиным, пошел Хрипунов в разговор о бывшем пугачёвском бунте, причём все пугачёвские бывшие злодеяния рассказывал, да и, что сам он, Хрипунов, был тогда атаманом, рассказывал же...» Затем О. Пургин отвёз его «к товарищу своему» П. Борцову, и тот опять же выслушал рассказ о Пугачёвщине. «И он, Борцов, на то сказал: "А когда де он (Хрипунов. – О. У.) был в тот бунт атаманом, то зделаем ему пашпорт"; которой ему, Хрипунову, и зделали, чтоб жить и ходить в тамошних местах беспрепятственно. И притом говорил Борцов ему, Хрипунову, что: "Зделаем, ребята, компанию и составим указ, что Государь Пётр Фёдоровичь жив". И он де, Борцов, хотел управлять делами и составлять в народ указы, а Пургин подписывать будет, которой под всякие руки подписыватца умеет, да и как де Государь писал, то ево руки подписка у них есть. И говорили ему, Хрипунову, оба, чтоб он назвался Государем, а они у него будут большие помощники. И Борцов рассказывал, што он вскоре набериот ис тамошних мастеровых и из беглых в лесу людей пятьсот человек: "Да есть де в Змеёвом руднике по пугачёвскому делу шесть человек, и тех де выручим, то будут и они нам великие помощники". И условясь на том, чтоб сие произвесть в действо, наперёд велели ему, Хрипунову, с тем данным пашпортом идти в Каменные горы к жившим в лесах беглым людям»¹⁷. По пути туда и среди староверов Хрипунов должен был «разглашать» о том, что Пётр III жив¹⁸.

О. Пургин описал зарождение их совместной авантюры несколько по-иному. Сначала-де П. Хрипунов рассказывал о восстании Е. И. Пугачёва и уверял, что последний был точно Петром III, причём и ныне он жив – более того, стоит на российско-китайской границе вместе с войском («силой»). О дальнейших событиях Пургин показал вот что: «А потом я выговорил: "Ежели государь жив, то есть у меня говорённая речь в Сенате Его Высочеством великим князем Павлом Петровичем"¹⁹, то для чего ж он не вступится?" На то Хрипунов сказал, что Государь Пётр Фёдоровичь не смеет пришатитца к государству и странствует...» Затем в доме у П. Борцова «мы трое согласились, чтоб тово Хрипунова неотменно в Камень послать для разведания, подлинно ль та сила стоит и отколь пропитание имеет; а когда оттоль возвратитца, то б нам о том сказал, куда мы с Борцовым точно намерены были сами съездить и тое силу посмотреть. И буде подлинно

[с. 143]

Государь жив, то б от него и указы в народ разглашать, а ежели там житьё хорошо, то б и остатца, и тому Хрипунову быть атаманом. Причём говорили и то, когда он, Хрипунов, возвратитца, то к приезду его наберём мы из разных людей человек сот до пяти. И когда там сказываемаго Государя нет, то б назвался он Хрипунов, Государем, а мы с Борцовым будем у него великия помощники, и Борцов будет исправлять делами и писать в народ указы, что Государь Пётр Фёдоровичь жив, а я подписывать вместо Государя буду. Но только как Государь писал, руки его подписки нет»²⁰.

Этим показаниям доверять не стоит по следующим причинам:

1. На последующих допросах и очных ставках П. Хрипунов и О. Пургин от них отреклись, при этом последний утверждал, что познакомился с Хрипуновым лишь в 1785 г., когда тот был под следствием в г. Берском²¹.

2. П. Борцов изначально отрицал, что в 1783 г. у себя дома принимал обоих подельников, и тоже настаивал на том, что узнал Хрипунова и услышал о его похождениях лишь в 1785 г.²²

3. Никто из жителей с. Ирменского и д. Медведской не видел Хрипунова у Пургина и Борцова в гостях осенью 1783 г. и не слыхал об этом²³.

4. Царица не поверила приведённым выше показаниям – это видно по тому, что в предоставленном ей «экстракте» (кратком изложении дела) она не подчеркнула вывод, будто Пургин и Борцов надоумили Хрипунова назваться «Государем»²⁴.

В то же время недостоверными нужно считать и слова П. Е. Хрипунова, что он никогда не хотел «быть самозванцом», а всего лишь мечтал собрать «артель» и с нею отправиться на российско-китайскую границу для соединения с войском Петра III; в случае неудачи Хрипунов собирался «жить в горах»²⁵ (близ верховья Бухтармы. – О. У.). После трёх месяцев следствия он признался, что планы у него были совсем иными (см. ниже).

Перейдём теперь к изложению **достоверных** сведений.

1. П. Е. Хрипунов участвовал в движении под предводительством Е. И. Пугачёва, но после ареста был «отпущен на прежнее жилище»²⁶. Однако весной 1781 г. он бежал из дома, после чего бродяжничал по Западной Сибири²⁷. В 1785 г. был схвачен за бродяжничество и, находясь под следствием в г. Берском, познакомился с О. Пургиным и П. Борцовым. По всей видимости, тогда-то Хрипунов и рассказал им о своём участии в пугачёвском бунте и о том, что живой Пётр III якобы стоит с войском на российско-китайской границе. Однако

[с. 144]

последнюю информацию Пургин и Борцов на веру не приняли, почему и посоветовали «разгласителю» отправиться на разведку в район Бухтармы. О монархическом самозванчестве речь не шла²⁸.

2. Хрипунов на допросах настаивал, что, бродя по Зауралью, «разглашении делал под видом тем, што Государь Пётр Фёдоровичь жив, а себя точным Государем не называл»²⁹. Это подтвердили обитатели не только деревень и сёл³⁰, но также городов, где он бывал.

Так, будучи в Ялуторовске, он в июне 1786 г. подбил двух местных жителей на побег, «сказывая, что при Железенской крепости стоит Пётр Фёдоровичь с командою вёрст на восемьдесят...»³¹ Кроме того, Хрипунов «говорил, что был он на линиях иртышских пять лет и что де около Барнаула в степи – верстах во сте от чанов, а от озера, зовомого Карасук, в дватцати пяти верстах к Барнаулу – стоит лагерем на восемьдесят вёрст великая команда, при коей де и государь Пётр Фёдоровичь; "И я де был там атаманом"...»

Из Ялуторовска путь беглецов лежал через крепость Святого Петра (Петропавловскую). По дороге к ней наш герой рассказывал в деревнях и сёлах, что свергнутый император стоит с войском за российско-китайской границей, – рассказывал «с намерением, чтоб согласит с собою к побегу»³². Хрипунов даже «выдумал для уверения простова народу» и разглашал, что «тут же стоит недалеко от Государя Петра Фёдоровича брат король с войском же и у него голова обрита, а какой земли – не сказывал»³³.

Будучи в крепости Святого Петра, он говорил солдатам примерно то же, что и крестьянам: «Молитесь де, ребята, богу – государь Пётр Фёдоровичь жив, и я де его недавно видел»³⁴.

3. Хрипунов мечтал о монархическом самозванстве, только скрывал это («а что сам себя назовёт Государем, никому не проговаривал»). Тем не менее, бродя по селениям, он «крестьян уверял, што Государь на него похож». Наш герой планировал под видом «государева атамана» собрать «злодейскую шайку», пробраться с нею к верховью Бухтармы и там среди беглых русских людей «наименовать себя Государем Петром Фёдоровичем; и всех тех беглых, оболстя наперёд волностию, хотел согласить с собою». Затем он предполагал «с стороны крепости Усть-Каменогорской» начать поход внутрь страны, причём «по разбитии первых селений» собирался уже официально объявить себя Петром III и открыть набор в своё войско»³⁵.

«И со всеми бы оными намерен был итти в Змеёвские рудники и всех там находящихся волных и неволных, также и мастеровых людей с собою в шайку согласить же, которая б, несомненно, с ним,

[с. 145]

Хрипуновым, и пошли... А оттоль уже бы по заводам, и стал бы совокуплять народ, сколько было возможно. А по собрании великой толпы, и по разорении тамошних местечек из городов, и по обзаведении ружьём, порохом и пушками пошел бы до Таболска, а по разбитии онова и далее в Россию до Казани и протчих городов, и все б оныя, которая толко б мог разбить, дал бы волность своей злодейской толпе грабить и раззорять. Словом сказать, всё б то делал и поступал, как в прошедшей бунт Емелка Пугачёв, то есть когда б кто не пошёл к нему служить и стал противитца, – жечь города и разные селения, а из воинских чинов главных начальников и протчих штаб- и обер-афицеров и дворян вешать. А естли б дошел до Петербурга и оной бы разбил, то бы и был Государем – так, как был прежде Гришка Растрига»³⁶. (Вариант: «И ежели б удалось разбить Петербург, то б и завладеть российским престолом подобно как Гришка Растрига»³⁷).

Возможно, лишь арест помешал нашему герою публично перевоплотиться в «государя». Может показаться странным, что он довольно долго (более полугода) мешкал с тем, чтобы реализовать свою мечту. Однако ничего такого уж необычного тут нет. Например, во второй половине XVIII в. «период становления самозванца» (время от возникновения идеи переродиться до «проявления»), укладывающийся в промежуток от 7 до 12 месяцев, был минимум у трёх лжемонархов. Ещё как минимум у 14-ти «период становления» длился более года, причём у пятерых – более 5 лет³⁸.

Впрочем, тот факт, что П. Е. Хрипунов готовился выдать себя за Петра III, не означает, что перед нами самозванец монархического типа. Лжемонарх появляется не тогда, когда у человека рождается идея «похитить» имя и/или статус высочайшей особы, а когда новая самооценка получает выражение в его публичных словах и действиях, когда о его притязаниях узнают окружающие³⁹. Но раз указанное намерение Хрипунова осталось втуне, значит он так и не перешёл в разряд лжемонархов.

Косвенным подтверждением этого заключения может служить характер наказания нашего героя. Сначала его приговорили к заключению в рабочем или смирительном доме, но 22 декабря 1786 г. царица изменила приговор, и Хрипунова отправили в тобольский дом для умалишённых⁴⁰. Если бы власти его признали в качестве лжемонарха, то кара ему, весьма вероятно, была бы гораздо более строгой. В России XVII–XVIII вв. претендентов на высший светский статус чаще всего предавали смерти, либо наказывали кнутом, а затем отправляли на вечную или же длительную (например, 15-летнюю) каторгу⁴¹.

[с. 146]

Но раз Хрипунов играл роль «государева атамана», значит он всё-таки был самозванцем – правда, низового уровня. В данном случае можно говорить о «должностном» самозванстве.

Примечания

¹ Щебальский П. К. Начало и характер Пугачёвщины. М., 1865. С. 50, 103–104.

² Отголоски пугачёвского бунта // Русская старина. 1905. № 6. С. 665–668.

³ Там же. С. 667.

⁴ Кубалов Б. Сибирь и самозванцы: Из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 164.

⁵ Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 131–132.

⁶ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 180–181; Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 143–144; Покровский Н. Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 69–70; Побережников И. В. «Самиздат» осмнадцатого века // Родина. 1994. № 5. С. 40–41; Он же. Под чужим именем: Сибирские самозванцы // Родина. 2000. № 12. С. 42–43; Низовский А. Русские самозванцы. М., 1999. С. 263–265; Арканникова М. С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005. С. 211; Longworth Ph. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // Past and Present. 1975. № 66. P. 72, 76, 79.

⁷ См.: Усенко О. Г. «Назвался сам собою с пьянства...»: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2007. № 10. С. 50; Он же. Три царевича Алексея: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2007. № 11. С. 125–126; Сивков К. В. Указ. соч. С. 98–99, 105–106, 114–116, 126–127; Ткаченко И. Коротоякский предшественник Пугачёва // Подъём. 1963. № 6. С. 159–160; Комолов Н. А. Пётр Фёдорович «подлинно жив» // Родина. 2010. № 2. С. 117–118; Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1. С. 107–110, 119–131; Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1. С. 86–114, 307–326; Козловский И. П. Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке (1772 г.) // Известия Северо-Кавказского гос. ун-та. 1926. Т. 10. С. 126–131; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 304–306; Муратов Х. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. М., 1954; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: Восстание Е. И. Пугачёва. М., 1961–1970. Т. 1–2; Андрущенко А. И. О самозванстве Е. И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 146–150; Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 394–494; Он же. Крестьянская война 1773–1775 гг. // Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 204–291; Юдин П. К истории Пугачёвщины // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 6. С. 178–182.

⁸ См.: Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 51; Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 89–90; Соловьёв В. М. Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М., 1991. С. 103–105; Усенко О. Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 70.

⁹ См.: Усенко О. Г. Три царевича Алексея... С. 122, 124.

[с. 147]

¹⁰ См.: Соловьёв В. М. Соч.: В 18 кн. М., 1994. Кн. 14. С. 126–127; Барсуков А. П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 195–242.

¹¹ См.: Шульгин И. П. Ещё одна тень Петра III // Русский архив. 1871. № 9. Стб. 2055–2065; Альбовский Е. Отголосок пугачёвщины на Украине // Русский архив. 1898. № 11. С. 297–308.

¹² «В соответствии с принципом историзма историк должен себе представлять теперь, как это выглядело тогда. Лишь в этом случае можно избежать модернизации прошлого» (Биск И. Я. Размышления о преподавании истории. Тамбов, 1999. С. 17).

¹³ См.: Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 83; Он же. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 119–122, 133–134; Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 143; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 15–16, 281, 293; Теория и методы в социальных науках. М., 2004. С. 59. См. также: Шкуратов В. А.

Историческая психология. М., 1997. С. 96–108; Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 339–340, 349–350, 361–404.

¹⁴ Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996. С. 76–77.

¹⁵ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 738–740; Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). М., 1957. С. 53; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 81–82, 98, 115–117, 137–138, 157; Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 315–464; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 12–13; Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 27–34; Цечоев В. К. История суда России. М., 2010. С. 51–52, 59–60. См. также: Усенко О. Г. Комплексная методология изучения судебно-следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского: 25–26 февраля 2005 г. Нижний Новгород, 2005. Ч. 2. С. 18–25.

¹⁶ Здесь и далее в цитатах сохраняется орфография источника; буквы, отсутствующие в современном алфавите, заменены теми, которыми обозначаются те же звуки.

¹⁷ Очевидно, имеются в виду «бухтарминцы» («каменщики») – представители беспоповского согласия в старообрядчестве, жившие на юго-восточном Алтае близ верхнего течения Бухтармы, правого притока Иртыша, и в Уймонской долине (см.: Чистов К. В. Указ. соч. С. 273–275; Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 325).

¹⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 8–8 об., 56–58.

¹⁹ Текст «речи» см.: Там же. Л. 131–132. О фольклорном бытовании этой «речи» см.: Побережников И. В. «Самиздат» осьмнадцатого века. С. 39–41.

²⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 81 об. – 82.

²¹ См.: Там же. Л. 56, 59, 84 об.

²² См.: Там же. Л. 83–84.

²³ См.: Там же. Л. 108–118 об.

²⁴ Там же. Л. 40–40 об.

²⁵ Там же. Л. 18 об. – 19.

²⁶ Там же. Л. 23 об.; Побережников И. В. Под чужим именем... С. 42.

²⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 8, 56; Побережников И. В. Под чужим именем... С. 42.

²⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 81 об. – 82, 84–84 об.

[с. 148]

²⁹ Там же. Л. 8 об., 56.

³⁰ См.: Там же. Л. 118 об. – 130 об.

³¹ Там же. Л. 15 об.

³² Там же. Л. 2, 55.

³³ Там же. Л. 59.

³⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 5 об.; Побережников И. В. Под чужим именем... С. 43.

³⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 55 об. – 56, 59.

³⁶ Там же. Л. 55 об.; Побережников И. В. Под чужим именем... С. 42–43.

³⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 59 об.

³⁸ См.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. 2. С. 318–319.

³⁹ См.: *Усенко О. Г.* Кто такой самозванец? // Вестник славянских культур. 2002. № 5–6. С. 46–47; *Он же.* Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. С. 300–301; *Он же.* Ототоманус, или Сын турецкого султана: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2006. № 6. С. 45.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 48.

⁴¹ См.: *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 119, 124, 128–129; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 137, 140–145; *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 98–132; *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 45, 47; *Соловьёв С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 587; М., 1991. Кн. 6. С. 455; М., 1991. Кн. 7. С. 129; М., 1993. Кн. 10. С. 646; *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 179.